

ПАОЛО БАЧИГАЛУПИ

Посвящается Арджуне

Гвоздарь пролез сквозь технический тоннель, держась за медный кабель, и рывком отодрал его. В воздухе повисла пыль, смесь асбеста и высушенного мышинного помета. Пополз дальше, продолжая сдергивать кабель с алюминиевых скоб, которые блестели на мятой металлической стене тоннеля, будто монеты, поднесенные Богу-Мусорщику. Гвоздарь принялся тщательно собирать их, складывая в кожаный мешочек на поясе. Снова дернул кабель. Еще добрый метр ценного медного кабеля, снова его окутала пыль.

Намазанная на лоб паста из наносветодиодов заполняла технический тоннель тусклым зеленым светом. Мир, в котором он жил. Грязь вперемешку с соленым потом стекала в глаза, разъедая их, стекала дальше, по краям респиратора. Он вытер соленые разводы покрытой шрамами рукой аккуратно, чтобы не стереть пасту. Кожа под пастой отчаянно чесалась, доводя его до бешенства, но нечего было и надеяться найти выход из этих тоннелей, похожих на гигант-

ские мышинные ходы, в темноте. Ладно, терпеть можно. Гвоздарь огляделся.

Ржавые трубы тянулись вперед, уходя в темноту. Железные, но некоторые — из нержавеющей стали. С ними пусть разбирается команда по тяжелым грузам. Гвоздарь собирал легкую добычу — медные провода, алюминий, никель, стальные скобы, все, что можно собрать в мешок и вытащить через тоннель на себе. Все, чем занимается команда по легким грузам, ждущая его снаружи.

Гвоздарь развернулся, чтобы лезть дальше по тоннелю, но стукнулся головой в потолок. Грохот эхом отдался по всему тоннелю так громко, будто он оказался внутри церковного колокола христианского храма. Пыль лавиной обрушилась ему на голову. Несмотря на респиратор, он закашлялся, края маски плохо прилегли к лицу. Он чихнул, чихнул еще раз, глаза заслезились. Снял респиратор и протер лицо, потом снова надел, прижимая, чтобы клейкий обод пристал к коже хоть как-то.

Респиратор был не первой свежести, его отдал ему отец. Под ним все время чесалась кожа, он уже плохо клеился, поскольку был не того размера и старый, но это все, что было у Гвоздаря. На боку респиратора была выцветшая надпись: ЗАМЕНИТЬ ПОСЛЕ 40 ЧАСОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ. Но у Гвоздаря было нечем его заменить, как и у всех остальных. Хорошо хоть этот есть, пусть и микроволокно фильтра уже

.... РАЗРУШИТЕЛЬ КОРАБЛЕЙ

начало рваться от постоянной стирки в соленой океанской воде.

Ленивка, его напарница, каждый раз смеялась над ним, когда он это делал, спрашивая, чего он вообще морочится. С этим респиратором адова работа в тоннелях еще тяжелее, от него еще жарче, чем есть. Смысла нет, говорила она. Иногда он думал, что она права. Но мать Пимы сказала ему и Пиме всегда надевать респираторы. По правде сказать, то количество черной грязи, которое он выполаскивал из фильтра, убеждало. Это та грязь, которая не осталась у вас в легких, говорила мать Пимы, поэтому он продолжал работать в респираторе, пусть и едва не задыхаясь, когда пытался втягивать влажный тропический воздух через свалявшийся и мокрый от его дыхания фильтр.

— Кабель снял? — эхом загредел голос в тоннеле.

Ленивка. Зовет его, стоя у входа в тоннель.

— Почти весь! — отозвался Гвоздарь, продолжая лезть дальше по тоннелю, сдирая куски кабеля и собирая скобы. Он не добрался до конца, но на сегодня хватит. Отрезал кабель у стенки пилой на обухе рабочего ножа.

— Готово! — крикнул он.

— Отпускай! — крикнула в ответ Ленивка.

Кабель пополз прочь от него, извиваясь и поднимая клубы пыли. Где-то далеко, на другом конце лабиринта, Ленивка крутила ручку барабана, сматывая кабель. Пот тек по ее лицу, свет-

лые волосы облепили его, но она продолжала вытягивать кабель, будто гигантскую нитку рисовой лапши из чашки супа, которым кормили у Ченя.

Снова взяв нож, Гвоздарь нацарапал на стене кодовый знак команды Бапи. Такой же, как затейливая татуировка на щеках Гвоздаря, метка, позволявшая ему работать на сломе кораблей под началом Бапи. Взяв щепотку светящейся краски, Гвоздарь плюнул на нее, растер в ладонях и намазал краской метку. Теперь она видна даже на расстоянии. Потом пальцем нарисовал на стене цифровой код. LC57-1844. Код, который дал ему Бапи. Пока что никто не пытался работать в этой части тоннелей, но пометить территорию всегда полезно.

Гвоздарь собрал оставшиеся алюминиевые скобы и торопливо полез на карачках обратно по тоннелю, осторожно огибая опасные места, где металл держал слабо. В ушах стоял звон и грохот, он внимательно прислушивался к звукам на случай, если короб начнет ломаться.

В тусклом свете от пасты на лбу он видел змеиный след в пыли там, где проволокли медный кабель. Проползал между высохших трупов крыс и их гнезд. Даже здесь, в чреве древнего танкера, жили крысы. Но эти уже давно умерли. Еще кости: кошек и мелкие птичьи. В воздух поднялись перья и пух. Ближе к выходу во внешний мир вентиляционные короба представляли собой кладбище самых разных созданий.

.... РАЗРУШИТЕЛЬ КОРАБЛЕЙ

Впереди засверкал яркий солнечный свет. Гвоздарь прищурился, ползя в его сторону и думая, как это похоже на символическое возрождение, в Культe Жизни, выбираться из темноты на яркий свет солнца. Выскочил наружу, на раскаленную стальную палубу.

Содрал респиратор и принялся судорожно хватать ртом воздух.

Яркий свет тропического солнца и соленый ветер, дующий с океана, окутали его. Вокруг грохотали кувалды, толпы мужчин и женщин, лазающие по древнему танкеру, раздирали его на куски. Команды, работающие с тяжелыми грузами, отрезали листы обшивки ацетиленовыми резаками и скидывали их вниз, на песок пляжа, как огромные пальмовые листья. Другие подбирали их внизу и оттаскивали за линию прилива. Команды по легким грузам, такие как группа Гвоздаря, снимали добычу поменьше — медь, алюминий, латунь, никель и нержавейку. Другие искали на корабле оставшиеся в незатопленных карманах нефть, машинное масло и бензин. Вычерпывали ценные жидкости ведрами. Вся эта суета, достойная муравейника, должна была выжать из разбитого корабля все, что могло пригодиться в их новом мире.

— Прилично провозился, — сказала Ленивка.

Стукнула по фиксаторам катушки, отцепляя ее от оси. Ее светлая кожа сверкала на солнце, татуировки команды на ее румяных щеках выглядели почти черными. По шее стекал пот.

Светлые волосы, коротко остриженные, почти так же, как у него самого, чтобы не застревать в тысячах щелей и не намотаться на вращающиеся части механизмов, тоже пропитались потом.

— Уже глубоко залезли, — ответил Гвоздарь. — Там много проводки, но добираться до нее долго.

— Всегда найдешь оправдание.

— Хватит ныть. Норму сделаем.

— Хорошо бы, — сказала Ленивка. — Бапи говорил, что еще одна команда по легким грузам купила права на работу здесь.

— Как удивительно, — скорчив рожу, ответил Гвоздарь.

— Ага. Слишком долго хорошо не бывает. Помоги-ка.

Гвоздарь подошел к катушке с другой стороны. Крякнув, они сняли ее с оси, оттащили в сторону и уронили на ржавую палубу с грохотом. Потом, встав плечом к плечу, покатали ее, упершись ногами и стиснув зубы.

Катушка медленно покатилаь. Босые ноги Гвоздаря жгло металлом раскаленной палубы. Из-за наклона палубы толкать катушку было тяжело, но общими усилиями они катили ее. Под катушкой захрустела облупившаяся краска, загрохотали плохо закрепленные листы настила.

С высоты палубы танкера Брайт Сэндз Бич было видно целиком. Покрытый черной грязью песок и полоса прибоя, усеянные полуразобранными корпусами нефтеналивных танкеров

.... РАЗРУШИТЕЛЬ КОРАБЛЕЙ

и грузовых судов. Некоторые еще совсем целые, будто безумные капитаны еще вчера направили свои огромные, в километр длиной, корабли на песчаный пляж, а потом просто ушли. Другие — уже ободранные до костей, нагромождение ржавого железа. Их корпуса лежали на песке, как тела огромных выпотрошенных рыб, порезанные на части. Надстройка тут, кубрик там, носовая часть танкера, запрокинувшаяся в небо. Будто Бог-Мусорщик прошел меж ними, рубя и режа их на куски, раздирая на части и разбрасывая в стороны. И каждый из огромных кораблей был облеплен, как мухами, множеством людей. Падальщики, такие же как команда Гвоздаря. Питающиеся железным мясом и костями. Раздирающие плоть прежнего мира, чтобы сложить ее на весы приемщиков и отправить в плавильные печи компании «Лоусон энд Карлсон», работающие круглые сутки, без перерывов и выходных. Компании, делавшей деньги на поте и крови разрушителей кораблей.

Гвоздарь и Ленивка на мгновение остановились, тяжело дыша и опираясь на тяжелую катушку. Гвоздарь вытер пот с глаз. Покрытая масляной пленкой темная гладь океана ближе к горизонту светлела, становясь голубой, отражая солнце и небо. Белели пенные гребни волн. Здесь, на берегу, небо было затянуто дымом от постоянно работающих плавильных печей, но там, вдали, он видел голубое небо и белеющие паруса. Современные корабли, клиперы, при-

шедшие на смену огромным судам прошлого, сжигавшим уголь и нефть, тем, которые теперь лежали на берегу, которые они день и ночь раздирали на куски. Новые корабли, с углепластиковыми корпусами, парусами, белые, как крыло чайки, быстрые, быстрее всех, кроме разве что поездов на магнитной подушке.

Гвоздарь проводил взглядом клипер, рассекающий воду, изящный и быстроходный, недосыгаемый. Быть может, часть той меди, которую он сегодня добыл и смотал на катушку, вскоре окажется на одном из таких кораблей. Прежде ее отвезут поездом в Орлеан, потом погрузят в трюм грузового клипера, а потом отправят за океан людям или государствам, которые могут позволить себе заплатить за нее.

У Бапи был плакат с клипером производства «Лайбскинд, Браун и Моханрадж» на настенном календаре. Клипер с высотными парусами, заброшенными высоко в небо, так высоко, что, по словам Бапи, они достигали зоны сильных ветров и могли нести корабль по волнам со скоростью больше пятидесяти пяти узлов, на подводных крыльях, выбрасывая в воздух клоушь пены и брызги соленой воды. Через океан, в Африку и Индию, к европейцам и японцам.

Гвоздарь жадно глядел на паруса вдаль, думая о тех местах, куда ходят эти корабли, о том, лучше ли там, чем здесь.

— Гвоздарь! Ленивка! Где вы там, черт вас дери?

.... РАЗРУШИТЕЛЬ КОРАБЛЕЙ

Гвоздарь дернулся, услышав свое имя. С нижней палубы танкера им махала рукой Пима, раздраженно глядя на них.

— Тебя ждем, подруга!

— Командирша на прогулке, — пробормотала Ленивка.

Гвоздарь скривился. Пима была старшей из них, поэтому и командовала. И даже их давняя дружба не спасет его, если они не выполнят норму.

Он и Ленивка снова взялись за катушку. Покрытая, покатили ее по искореженной палубе и подкатили к примитивному крану, установленному у борта. Подцепили крюки к проушинам, схватились за трос и вспрыгнули на катушку, когда кран оторвал ее от палубы и начал спускать на нижнюю палубу. Катушка медленно раскачивалась и крутилась.

Как только катушка очутилась на нижней палубе, Пима и остальные члены группы окружили их. Отцепили катушку и покатили к носу танкера, туда, где занимались чисткой кабелей. Повсюду валялись куски изоляции и мотки собранного ими медного кабеля, сверкающие на солнце, аккуратно сложенные и помеченные знаком команды Бапи, таким же причудливым знаком, как и татуировки у них на щеках.

Все принялись чистить от изоляции кабель, добытый Гвоздарем, и складывать его аккуратными кучками. Работа шла быстро, они давно с ней освоились, как и друг с другом. Пима,